

*С. И. Блюмхен**

Жизнь и творчество танского поэта Ли Хэ

АННОТАЦИЯ: Одним из выдающихся поэтов среднего периода эпохи Тан 唐 (618–907) был Ли Хэ 李賀 (790–816), чьей жизни и творчеству в современной китайской, японской и западной филологии посвящено довольно много исследований, а переводы его произведений на иностранные языки вдохновили авторов подражаний. Ссылаясь на присущие Ли Хэ особенности стиля и тематики, его сравнивают со Стефаном Малларме (1842–1898), Шарлем Бодлером (1821–1867) и Джоном Китсом (1795–1821). При этом его жизни и творчеству уделяется прискорбно мало внимания в российской филологии. Цель настоящей статьи – хотя бы отчасти восполнить эту лакуну.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Тан, поэзия, Ли Хэ, даосизм, мистика

Хотя творчество Ли Хэ было знакомо специалистам и знатокам танской поэзии, о его жизни и стихах было мало известно за пределами этого узкого круга ценителей до середины XX века. Ли Хэ несколько терялся на фоне таких гигантов стихосложения, как Ли Бо 李白 (701–762) и Ду Фу 杜甫 (712–770), а также плеяды их последователей и позднейших талантов, таких как Бо Цзюй-и 白居易 (772–846), Хань Юй 韓愈 (768–824) и др. Однако во все времена, как при жизни Ли Хэ, так и после нее, у поэта были восторженные почитатели, а после смерти появились сначала биографы, а потом и исследователи.

Годы жизни Ли Хэ пришлись на непростое время. Известно, что великолепная эпоха Тан заложила основы той культуры – материальной, политической, духовной, – которую стали со временем называть «культурой традиционного Китая» и на которую ориентировались во времена последующих эпох. Но к годам жиз-

* Блюмхен Сергей Иванович, младший научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), xieji@mail.ru

ни Ли Хэ этот цивилизационный блеск заметно потускнел. Описания событий эпохи, нередко именуемой в литературе средним периодом Тан или просто «средней Тан», обязательно включают рассказы о бедствиях, обрушившихся на Поднебесную как в результате самого мятежа Ань Лу-шаня¹, так и при его подавлении, для чего пришлось привлечь войска уйгуров. О страданиях китайского народа рассказывают сочинения того времени – от указов танских императоров до стихов поэтов-патриотов, но почти везде в той или иной форме присутствует горечь от утраты достижений предшествовавшего периода, эпохи становления и развития империи Тан. Воспоминания об утраченном величии служат фоном к описанию бедствий времени настоящего, эти воспоминания имплицитно присутствуют в большинстве сочинений тех времен – пусть иногда без прямой ссылки на прошлое, выражаясь в форме гнева на нежелание обладающих богатством и властью помогать попавшим в беду.

Хотя к моменту рождения Ли Хэ (790) после подавления мятежа прошло уже больше четверти века, поэт рос и проходил становление личности в социальной и духовной среде, осмыслявшей причины этого внутреннего конфликта. С точки зрения конфуцианской морали, ситуация выглядела вполне узнаваемо – государь не справился с влиянием женщины, императорской наложницы Ян Юй-хуань 楊玉環 (более известной как Ян-гуй-фэй 楊貴妃, 719–756) и плохих советников (в том числе канцлера Ян Го-чжуна 楊國忠, ум. 756, двоюродного брата Ян-гуй-фэй), а потому страна погрузилась в смуту. Император Сюань-цзун 玄宗 (личное имя Ли Лун-цзи 李隆基, 685–762, правил в 712–756) бежал из столицы и отрекся от престола в пользу сына Су-цзуна 肅宗 (личное имя Ли Хэн 李亨, 711–762, правил с 756). Для борьбы с мятежом Су-цзун обратился к внешним силам, в первую очередь к Уйгурскому каганату, и женился на дочери уйгурского правителя. Однако окончательно подавить мятеж удалось только при

¹ «Смута», или «мятеж», Ань Лу-шаня (Ань Лу-шань *луань* 安祿山亂) датируется периодом с декабря 755 г. по февраль 763 г. Согдиец по происхождению, Ань Лу-шань 安祿山 (703–757) на момент начала восстания командовал тремя пограничными округами из десяти, имел огромное влияние в армии и располагал большими денежными средствами. Мятеж поднял после смерти своего покровителя, первого министра (*цзай-сян* 宰相) Ли Линь-фу 李林甫 (ум. 753), когда преемник последнего, Ян Го-чжун 楊國忠 (ум. 756), закрепился у власти и попытался ограничить влияние Ань Лу-шаня.

следующем императоре – Дай-цзуне 代宗 (личное имя Ли Чу 李俶, 727–779, правил с 763).

Принято считать, что тяготы смуты породили поэзию, авторы которой ориентировались на широкие слои общества и занимали гражданскую позицию, обращаясь к народному песенному наследию предшествующих эпох – *юэфу* 樂府². Говоря об истории поэзии этой эпохи, М. Е. Кравцова отмечает: «Важнейшим собственнo литературным процессом считают развитие теорий поэзии, призывающих к созданию лирики социально-политического характера – повествующей о тяготах жизни простых людей, критикующей несправедливое отношение властей к народу и использующей максимально простой для восприятия широкой читательской аудитории литературный язык... Указанные теоретические разработки и усилия по их реализации в поэтической практике увенчались возникновением “Движения за новые *юэфу*” (*синь юэфу юньдун* 新樂府運動) во главе с Бо (Бай) Цзюй-и (白居易, 772–846, второе имя Лэ-тянь 樂天) и Юань Чжэнем (元稹 779–831, второе имя Вэй-чжи 微之)» [Кравцова 2018, с. 153, 154].

Однако наряду с проявлением гражданской позиции у танских поэтов проявлялись, причем многократно сильнее, тенденции к уходу от непредсказуемой и пугающей действительности, к поиску психологической опоры в кругу семьи, друзей, к уходу в иные реальности, прочь от бед охватившей страну смуты. М. Е. Кравцова отмечает, что «“Движение за новые *юэфу*” и сопряженная с ним гражданская лирика³, почитающиеся высшим

² Жанр *юэфу* возник в эпоху Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), у его истоков стояли поэты и чиновники Музыкальной палаты (*Юэфу* 樂府), в обязанности которых входило собиpание народных песен, что вдохновляло на создание собственных произведений, близких по форме к народным.

³ Отметим, что концепция «гражданской лирики» применительно к танскому Китаю выглядит неким анахронизмом – для гражданской лирики поэт должен ощущать себя именно гражданином. Здесь же, скорее всего, можно говорить о мировоззрении конфуцианского «благородного мужа» (*цзюнь-цзы* 君子), наделенного добродетелями, в том числе «гуманностью» (*жэнь* 仁), то есть чувством сопереживания и справедливости, и осуждающе воспринимающего связанные с войной вопиющие отступления от конфуцианских ценностей. Гражданственность как западная, индивидуалистическая, по сути, ценность не может выступать обозначением более всеобъемлющего концепта конфуцианской сопричастности мировому порядку путем искреннего (*синь* 信) следования долгу (*и* 義) и участия в устройении мироздания по-

поэтическим достижением *чжун Тан* (т. е. среднего периода эпохи Тан. – С. Б.), далеко не исчерпывают идейно-тематического богатства поэтического творчества того времени... “Новые *юэфу*” составляют менее одного процента поэтического наследия того же Бо Цзюй-и (более 2.800 произведений)... Значительно более многочисленны в нем поэтические послания (эпистолы) к друзьям, стихи о дружеских застольях, даосско-эзотерического (описание даосских практик) характера, с буддийскими мотивами, на любовные темы и пейзажная лирика» [Там же, с. 154].

Наглядным подтверждением этого тезиса стали жизнь и творчество Ли Хэ. На становление его как личности и поэта и соответственно на его стихи наибольшее влияние оказали три контекста – общеисторический, который мы вкратце описали выше, семейный и поэтический, волей судеб оказавшиеся тесно связанными.

Ли Хэ 李賀, второе имя – Чан-цзи 長吉, родился в Чангу 長谷, уезд Фучан 福昌, совр. пров Хэнань, в 790 г. Его отец Ли Цзиньсу 李晉肅 «служил на границе и в свое время был мировым судьей уезда Шань 陝. Его мать была из семьи Чэн; у него была старшая сестра и младший брат» [Ту 1979, р. 19].

Семья состояла в дальнем родстве с императорским кланом Ли, основателями Тан. Одним из предков Ли Хэ был некий Чжэнван 鄭王 из императорского дома Тан. Со временем родство стало дальним и отражения в генеалогическом древе правителей династии, приведенном в *Синь Тан шу* 新唐書 (букв.: «Новая книга [об эпохе] Тан», далее мы используем более привычный вариант ее названия «Новая история Тан»), не нашло. Проблема осложняется тем, что в ранний период Тан этот титул (Чжэн-вана) носили три человека и кто из них стал родоначальником семьи Ли Хэ – точно не известно⁴. Ко времени рождения Ли Хэ семья находилась в достаточно непрестом материальном положении. Как отмечает Ду Го-цин 杜國清, «вся жизнь Ли Хэ, рожденного в небогатой семье и находившегося в родстве с императорским домом Тан, определялась двумя противоположными факторами: относительной нищетой и гордостью императорской родословной» [Ту 1979, р. 19].

средством ритуала (*ли* 禮). Эмоции гражданина и «благородного мужа» могут быть сходными, но их мировоззренческая «подкладка» не идентична.

⁴ Вопрос о связи Ли Хэ с императорским домом Тан, подробные сведения о трех возможных предках из императорского рода, а также мнения по этому вопросу китайских и западных ученых детально рассмотрены в диссертации М. Т. Саут [South 1965, р. 92–95].

Был и еще один связанный с родственниками фактор, возможно оказавший влияние на становление Ли Хэ как поэта, – его отец Ли Цзинь-су предположительно приходился двадцать девятым младшим двоюродным братом поэту Ду Фу. Если в китайской традиции даже однофамилец – отчасти дальний родственник, то реальный родственник, пусть даже достаточно дальний, воспринимался как важный элемент генеалогического древа, определявшего в том числе силу рода.

Ли Хэ проявил свой поэтический талант в довольно раннем возрасте. Это породило одну из связанных с его именем легенд: согласно традиционным жизнеописаниям Ли Хэ (например, его биографии, приведенной в цз. 203 «Новой истории Тан»), Хань Юй и Хуанфу Ши⁵ приехали встретиться с Ли Хэ, когда последнему исполнилось всего шесть лет⁶, и были удивлены поэтическим талантом ребенка, сочинившего при них довольно сложное стихотворение *Гао сюань го* 高軒過 (букв.: «Проехал экипаж высокого [гостя]»), со смыслом «Визит благородного гостя»).

Ссылаясь на биографии Ли Хэ в «Старой истории Тан»⁷ (цз. 137) и «Новой истории Тан» (цз. 203), Ду Го-цин пишет о внешности поэта так: «Ли Хэ, будь то от природы или по причине своей бедности, имел хрупкое телосложение и сильно страдал от плохого состояния здоровья. О его внешности говорят, что он был худой, с густыми бровями и длинными ногтями и что еще до того, как ему исполнилось восемнадцать лет, волосы на его висках поседели» [Ту 1979, р. 19]. Хотя это описание внешности Ли Хэ

⁵ Хуанфу Ши 皇甫湜 (777–835) – поэт и писатель эпохи Тан, друг и ученик Хань Юя.

⁶ Некоторые исследователи говорят о семи годах – счет лет при определении возраста велся в традиционном Китае не от даты рождения, а от даты зачатия – согласно системе *сюйсуй* 虛歲 (букв.: «пустой год»), и тогда при рождении к возрасту ребенка добавлялся один год. При ближайшем рассмотрении этот рассказ не выдерживает критики, их встреча, скорее всего, произошла на 12–13 лет позднее. «Создание этого знаменитого стихотворения с большей вероятностью можно датировать приблизительно 809 г., когда 19-летнему Ли Хэ уже было отказано в допуске к экзамену» [Moore 2004, р. 331]. С этим можно согласиться, если время создания и дарения приблизительно совпадали. Не исключено, что стихотворение действительно было создано в 6–7 лет, хранилось как память и было подарено Хань Юю много позднее.

⁷ Официальная «Книга [об эпохе] Тан» (*Тан шу* 唐書, или *Цзю Тан шу* 舊唐書 «Старая книга [об эпохе] Тан»), далее мы используем более привычный вариант ее названия «Старая история Тан».

стало общепринятым, в отношении его точности имеются сомнения. Маловероятно, что в семье, имевшей слуг и не загружавшей ребенка работой (он мог выезжать за город в сопровождении слуги, черпая вдохновение для стихов), тот жил в условиях, столь прискорбно сказавшихся на его внешности и состоянии здоровья.

**Рис. 1. Изображение Ли Хэ в альбоме
Ваньсяо-тан Чжу-чжуан хуачжуань 晚笑堂竹莊畫傳
(«Иллюстрированные биографии Чжу-чжуана
из зала Позднего смеха»), 1743 г.⁸**

⁸ Альбом представляет собой ксилографическое воспроизведение 120 портретов знаменитых деятелей Китая всех эпох от Хань до Мин (1368–1644), принадлежащих кисти цинского художника Шангуань Чжоу 上官周 (1664/1665–1749/1752) по прозвищу (*xiao* 號) Чжу-чжуан 竹莊. Альбом пользовался огромной популярностью в Китае и за его пределами, породив многочисленные подражания.

В путях обретения вдохновения Ли Хэ следовал устоявшейся традиции – еще достаточно молодым он стал использовать вино в качестве средства расширения сознания. Об этом вполне определенно говорится в цз. 203 *Синь Тан шу*:

«Каждый день с восходом солнца он выезжал верхом на небольшой лошадке в сопровождении слуги-мальчика, несшего на спине мешочек из древней парчи, и [если] что-то получалось, записывал [строфы] и записанное бросал в этот мешочек. Никогда не выбирал сперва заглавие, [чтобы только] после этого творить стихотворение, наподобие типовых заданий по притягиванию и сведению [заглавия и стихотворения, которые выполняли] другие люди, так, чтобы содержание стихотворения соответствовало выбранному названию. На закате дня возвращался домой и сводил [наброски] в готовое стихотворение. Если не был сильно пьян или не находился в трауре, то неизменно следовал такому распорядку дня. Пьяный же, не слишком себя контролировал. Служанка его матери заглянула в парчовый мешочек и, увидев там много [набросков] написанного, стала браниться, говоря: “Этот мальчишка не успокоится, пока не выблюет свое сердце!”»⁹.

Исходя из этого текста, в поездки Ли Хэ брал не только письменные принадлежности, но также вино и обед, потому что возвращался только на закате. Выезжая рано утром, он встречал восход солнца, черпая вдохновение из утренней свежести и красок рассвета, стимулируя остроту восприятия вином и фиксируя на бумаге пришедшие в сознание образы. Второй сеанс поиска вдохновения был связан с закатом, после чего Ли Хэ и слуга возвращались домой. Задачей мальчика было собирать исписанные листки в парчовый мешочек, не давая им затеряться, потому что пьяный Ли Хэ «не слишком себя контролировал». Побочным следствием этого способа поиска вдохновения, воспетого еще Ли Бо, стало пристрастие к вину, что получило отражение в тематике творчества Ли Хэ – одной из второстепенных, но немаловажных тем было воспевание вина и застолий с винопитием. Так, М. Е. Кравцова отмечает: «Центральное место в поэзии Ли Хэ занимают две темы: чудесный мир и мир красавиц» [Кравцова 2014, с. 990], но кроме них «поэт варьирует набор типичных для “поэзии о том, что на душе” мотивов: о бренности и эфемерности человеческого бытия <...>, о вине – “Цинь ван инь цзю” (秦王飲酒 “Пьют вино у царя Цинь”), “Сян цюань цзю” (相勸酒 “Убеждаем друг друга

⁹ Обоснование перевода этого фрагмента см. в Приложении II.

выпить”), “Цзян цзинь цю” (將進酒 “Пусть принесут вино”))» [Там же, с. 989].

Годы шли, и нужно было позаботиться о карьере. Первым этапом должна была стать сдача провинциального экзамена, и в 809 г. Ли Хэ отправляется в Лоян. Готовясь к экзамену, он встретился с Хань Юем и подарил ему свои юношеские стихи, в том числе, вероятно, и упоминавшееся выше стихотворение *Гао сюань го*. Не исключено, что оно действительно было написано в возрасте 6-7 лет, вот только подарено много позднее. Обладая незаурядным поэтическим талантом, Ли Хэ успешно сдал провинциальные экзамены. Следующим этапом должны были стать экзамены столичные, на высшую степень *цзинь-ши* 進士 (букв.: «достигший [успеха на столичных экзаменах] муж»), и он отправился в столицу – Чанъань, но здесь яркая поэтическая одаренность Ли Хэ неожиданно оказалась препятствием.

«Самым заметным нововведением в системе экзаменов на степень *цзинь-ши* стали изменения в проверке литературных навыков. Эта проверка предусматривала создание сочинений в таких разнообразных стилях, как памятные записки, биографии, погребальные песнопения и лирические сочинения, такие как оды (*фу*¹⁰) и уставные стихи (*люй-ши*¹¹), но предпочтение отдавалось испытанию кандидатов на способность сочинять стихи. После изменения программы экзаменов в 681 г., литературная часть экзамена на степень *цзинь-ши* стала отражением увлеченности официальных кругов поэзией. Экзаменационный стих на степень *цзинь-ши* – в большей мере, чем при экзаменах на получение любой другой степени, – демонстрировал связь степени *цзинь-ши* с политической карьерой, для которой навыки литературного сочинения являлись основополагающими. В то же время эта увлеченность литературным творчеством влекла неослабевающую критику в адрес соискателей степени *цзинь-ши* в связи с их вниманием к литературной стилистике, что рассматривалось как симптом слабого знания канонов и даже как недостаточность управленческих навыков» [Moore 2004, p. 17].

Таким образом, яркая одаренность в поэзии, неизменно связанная с оригинальностью поэтического творчества, могла указы-

¹⁰ *Фу* 賦 – оды, в которых поэтические фрагменты чередуются с ритмично организованными прозаическими.

¹¹ *Люй-ши* 律詩 – уставные стихи из восьми строк, пяти или семи иероглифов в строке, с регламентированной тональной мелодикой и парным построением три–четыре и пять–шесть строк.

вать на недостаточность управленческого таланта, неготовность или нежелание следовать канонам. Не исключено, что свою роль сыграли и опасения не столь талантливых конкурентов. В результате интриги Ли Хэ не был допущен к экзамену на степень *цзинь-ши*, даже несмотря на заступничество Хань Юя. Отказ в допуске был крайне сомнительным: слог *цзинь* 進 в слове *цзинь-ши* 進士 был омофоном слога *цзинь* 晉 в имени Цзинь-су 晉肅, отца Ли Хэ, и следовательно, присвоение Ли Хэ степени *цзинь-ши* стало бы нарушением табу [Уэки и др. 1999, с. 110–111]. Рассмотревшие этот сюжет составители «Энциклопедии китайской поэзии» высказали предположение, что соперники использовали такой предлог из зависти к поэтическим талантам Ли Хэ и для отстранения опасного конкурента [Там же, с. 110–111].

Получив отказ, Ли Хэ решил не бороться за своё право на сдачу экзамена. Узнав об этом, Хань Юй пришел в негодование от явной несправедливости запрета и написал Ли Хэ своё знаменитое, очень эмоциональное письмо *Хуэй бянь* 諱辯 («Оспариваю табу»¹²), призванное убедить Ли Хэ изменить решение и всё-таки сдать столичный экзамен¹³. В этом письме Хань Юй с присущей ему скрупулезностью разбирает аргументы сторонников запрета и указывает на их надуманность и незаконность.

Разочарованный, Ли Хэ от сдачи экзамена всё-таки отказался и возвратился в Чангу. Время приглушило душевную боль, и вскоре он решил вернуться к вопросу о карьере, воспользовавшись родственными связями с императорским домом – так называемой привилегией «тени» (*инь* 陰), дававшей наследственное право на занятие должности в пределах 8-го чиновничьего ранга.

В 811 г. Ли Хэ вновь приехал в Чанъань, сдал несложный для него проверочный экзамен и получил назначение на должность *фэнлилана* 奉禮郎 («молодца, прислуживающего при ритуале», т. е. младшего церемониймейстера) в Тайчансы 太常寺 (букв. «Приказ великого постоянного»; департамент, ведавший ритуалами и жертвоприношениями в храме императорских предков). Обе официальные истории Тан, и старая и новая, сходятся в том, что Ли Хэ одновременно занимал должность *селюйлана* 協律郎 («молодца, согласующего уставные тоны», т. е. капельмейстера того же Приказа великого постоянного; см. Приложение II), где снискал немалую популярность у сочинителей и исполнителей

¹² Букв. «Оспаривание табу». — *Ред.*

¹³ Имеется перевод этого письма на русский язык, выполненный И. И. Соколовой; см. [Хань и Лю 1979, с. 113–115].

песен. Такое совместительство представляется вполне возможным, поскольку «должности в штате Тайчансы были относительно близки по функциям, и те и другие, по сути, отвечали за различные аспекты проведения церемоний – грубо говоря, одни за церемониальный порядок, другие за музыкальное сопровождение» (из личного письма В. М. Рыбакова от 16 марта 2020 г.).

В таком статусе Ли Хэ прожил в столице до 814 г., когда был вынужден уйти и с этого поста – официально из-за слабого здоровья, однако некоторые исследователи полагают, что причиной стала близость к участникам какой-то придворной интриги, которые оказались проигравшей стороной. Косвенно это подтверждается тем, что «после ухода с должности Ли Хэ тщетно пытался получить назначение хоть в какую-нибудь структуру вне придворных служб» [Кравцова 2014, с. 989]. Состояние здоровья Ли Хэ продолжало ухудшаться. Осенью он отправился в Лучжоу 潞州¹⁴, чтобы попросить помощи у своего друга Чжан Чэ 張澈. Зимой, когда он находился в гостях у Чжан Чэ, состояние здоровья ухудшилось. Тяжело переболев и полностью разочаровавшись в жизни, он уехал в Чангу, где в 816/817 г. умер в возрасте 24 (по версии «Старой истории Тан») или 27 лет (как говорится в «Новой истории Тан»).

Его смерть стала быстро обрастать легендами. В составленной известным танским поэтом Ли Шан-инем 李商隱 (813–858) *Ли Чан-цзи сяо чжуань* 李長吉小傳 («Краткой биографии Ли Чан-цзи») приведен такой рассказ:

長吉將死時，忽晝見一緋衣人，駕赤虬，持一板書若太古篆或霹靂石文者，云：「當召長吉。」長吉了不能讀，欵下榻叩頭，言阿嬰老且病，賀不願去。緋衣人笑曰：「帝成白玉樓，立召君為記。天上差樂，不苦也！」長吉獨泣，邊人盡見之。少之，長吉氣絕。常所居窗中，焯焯有煙氣，聞行車嚙管之聲。太夫人急止人哭，待之。如炊五斗黍許時，長吉竟死。王氏姊非能造作謂長吉者，實所見如此 [Дяньцзы бань Ли Хэши...].

Когда [Ли] Чан-цзи был при смерти, внезапно днем он увидел человека в красных одеяниях, едущего верхом на алом драконе и держащего табличку с письменами, похожими на печати из глубокой древности или на узоры на камне [в виде] ударов молнии. [Он] сказал: «Должно призвать Чан-

¹⁴ Лучжоу 潞州 – ныне район городского подчинения городского округа Чанчжи 長治 пров. Шаньси.

цзи». Чан-цзи не смог прочесть [небесную надпись]¹⁵. Он немедленно слез с лежанки и поклонился, сказав: «А-мэй¹⁶ (то есть моя мать. — С. Б.) стара и больна. [Я], Хэ, не хочу оставлять [ее]». Человек в красных одеяниях сказал, улыбаясь: «[Верховный] владыка закончил [строить] башню Белого нефрита и немедленно вызвал вас, чтобы составить [ее] описание¹⁷. Служба на Небесах весела, [там] нет горя». Чан-цзи только плакал. Все окружавшие [его] люди видели это. Вскоре дыхание Чан-цзи прервалось, и из окна комнаты, где он находился, поднялся туманный пар¹⁸. Послышались звуки отъезжающих повозок и тихих труб. [Его] мать быстро заставила [всех] плачущих замолчать. Когда они прождали столько времени, сколько потребовалось бы, чтобы пропарить пять мер проса, Чан-цзи наконец умер. [Его] старшая сестра госпожа Ван была не из тех, кто мог бы это выдумать. То, что она сказала об этом, определенно было тем, что она видела¹⁹.

Эта история получила развитие в рассказе из 49-й главы сборника *Тайпин гуанци*²⁰, в котором говорится о сновидении матери Ли Хэ вскоре после смерти поэта.

¹⁵ Букв. «Чан-цзи ничего не был способен прочесть [на ней]». — *Ред.*

¹⁶ Так передано звучание знака 𠄎 в переводе Саут [South 1965, p. 302]. Словарное чтение этого иероглифа – *ми* или *сянь*. Возможно, Саут использовала *мэй* вместо *ми* из соображений благозвучия.

¹⁷ Описание этого момента И. А. Алимовым несколько отличается: «дабы он сложил для этого тема парные надписи» [Су Ши 2006, с. 72].

¹⁸ Возможный альтернативный перевод: «...а в окне, [у которого он] постоянно находился, за клубился дымный пар». — *Ред.*

¹⁹ Возможный более буквальный перевод: «[Его] мать быстро заставила плачущих прекратить [рыдания] и выждала время, примерно сходное со [временем] пропарки пяти *доу* проса, [тогда] Чан-цзи наконец умер. [Его] старшая сестра госпожа Ван была не из тех, кто способен сфабриковать и состряпать [эту историю], говоря о Чан-цзи. Воистину, то, что [она] видела, было таково». — *Ред.*

²⁰ Сборник *Тайпин гуанци* 太平廣記 («Обширные записи [годов] Тайпин») в 500 *цзюаней*, включающий ок. 7 тыс. рассказов и преданий из разных эпох, был составлен сунским ученым и чиновником Ли Фаном 李昉 (925–996) и др. в ранний период эпохи Сун 宋 (960–1279). Работа над сборником была завершена к 978 г., но он не был напечатан, поскольку был сочтен содержащим лишь описания малозначимых и бесполезных для обучения явлений (в основном из области необычайных событий и чудес, природных и сотворенных даосскими и буддийскими монахами, а

及賀卒，夫人哀不自解。一夕夢賀來，如平生時，白夫人曰：「某幸得為夫人子，而夫人念某且深，故從小奉親命，能詩書，為文章，所以然者，非止求一位而自飾也；且欲大門族，上報夫人恩。豈期一日死，不得奉晨夕之養，得非天哉。然某雖死，非死也，乃上帝命。」夫人訊其事。賀曰：「上帝神仙之居也，近者遷都于月圃，構新宮。命曰白瑤。以某榮於詞，故召某與文士數輩，共為新宮記。帝又作凝虛殿。使某輩纂樂章。今為神仙中人，甚樂，願夫人無以為念。」既而告去。夫人寤，甚異其夢。自是哀少解 [Ли Хэ].

Когда [Ли] Хэ умер, [его] мать беспрестанно горевала. Однажды ночью приснилось [ей, что] Хэ пришел [к ней, совсем] как при жизни, и сказал матери: «Мне повезло, что я ваш сын, и ваша любовь ко мне к тому же глубока. Поэтому с детства [я] слушался [всех] ваших приказов. У меня были способности к стихам и сочинениям, и я делал это не только для того, чтобы добиться положения и почета для себя; я также хотел добавить престиж нашей семье и в то же время отплатить вам за вашу доброту²¹. Конечно, это судьба заставила меня умереть рано и не иметь возможности служить вам с утра до вечера!²² Однако хотя я и умер, но [то была] не смерть, а повеление Верховного владыки (Шан-ди. – С. Б.)». [Его] мать спросила об этом²³, и он сказал: «[Небеса] – это место, где обитает Верховный владыка, духи и бессмертные. Недавно столица была перенесена в сады Луны и был построен новый дворец, названный “Белый нефрит”. Так как я был известен [своим] талантом к словесности, меня призвали вместе с несколькими другими учеными совместно составить описание нового дворца. Верховный владыка также построил зал Сгущенной пустоты и поручил мне и другим

также встреч с бесами, духами и божествами) и потому бесполезным для обучения. Сборник ходил в рукописях и был напечатан только при Мин.

²¹ Возможный более буквальный перевод: «То, отчего я был способен к стихотворству и сочинительству, создавал тексты и статьи, [то] не только [ради] изыскания [себе] какой-то позиции и украшения себя; также [я] желал возвеличить [наш] род и сверху отплатить [вам], ма-тушке, за милость». — *Ред.*

²² Возможный более буквальный перевод: «Разве ожидал в один день умереть и не получить [возможности] заботиться [о вас] с утра до вечера, не Небо ли это [так расположило]?» — *Ред.*

²³ Возможный более буквальный перевод: «...справилась о его [служебных] делах». — *Ред.*

сочинять²⁴ музыкальные произведения. Я очень счастлив быть среди духов и небожителей.²⁵ Я хочу, чтобы вы не думали обо [мне]», – и [с этими словами] удалился. [Когда его] мать проснулась, то крайне поразилась этому сну. С этого [дня] горе понемногу отпустило [её]

* * *

В статье «“Золотой век” китайской поэзии: эпоха Тан (VII – начало X в.)», вошедшей в состав третьего тома энциклопедии «Духовная культура Китая», ее автор Е. А. Серебряков говорит о некоторой вторичности творчества Ли Хэ, считая его «воспринятым» от Хань Юя («Самым одаренным в окружении Хань Юя был Ли Хэ (790–816), который воспринял от него смелость в обращении с поэтической формой» [Серебряков 2008а, с. 56]), однако отдает должное и самому Ли Хэ: «Ему удалось выработать индивидуальную манеру, отличавшуюся чарующей красотой языка и образов. У него много стихов о духах, о сказочных краях, о необычайных ситуациях. Он наследовал традицию чуских строф (*чу цы*) и использовал мифологические образы, повышенную метафоричность. Почти половина его стихов написана в жанре юэфу (*вэньжэнь юэфу*), обогащена художественными приемами, выработанными танскими поэтами» [Там же].

Вряд ли можно согласиться со столь скромной оценкой творчества Ли Хэ. Так, написавший посвященный эпохе Тан раздел фундаментального труда «The Columbia History of Chinese Literature» Пол Кролл характеризовал Ли Хэ как наиболее самобытного (букв.: «эксцентричного») поэта не только эпохи Тан, но всей китайской поэзии [Kroll 2001, p. 310]. Описывая творчество Ли Хэ, сам Кролл очень поэтичен: «Его поразительные стихотворения, знаменитые благодаря эмоционально насыщенным и полным внутреннего напряжения образам, представляют собой причудливые мозаики галлюцинаторных видений и персонифицированных отсылок. Не имеющее аналогов, загадочное использование Ли Хэ символов, заимствованных из “Чуских строф” и из его собственных духовных интересов, приводит иногда к почти непроницаемому языковому барьеру...» [Там же].

Столь же высокую оценку дает творчеству Ли Хэ и видный исследователь эпохи Тан Э. Шефер: «Богатые краски, необычайные

²⁴ Букв. «составлять/сводить/компилировать». — *Ред.*

²⁵ Возможный более буквальный перевод: «Ныне я — человек среди духов и небожителей, [чему] очень рад». — *Ред.*

картины и романтические образы овладели умами многих лучших поэтов IX в. Типичным для того времени было творчество Ли Хэ, поэта иллюзий, воображаемых образов и ярких красок, склонного к употреблению гиперболы и синекдохи (“янтарь” вместо “вино”, “холодный багрянец” вместо “осенние цветы”). Нас не должно удивлять, что этот юноша увлекался чтением сокровища древней классики – книги “Чу цы” и “Ланкаватара-сутры” секты чань (дзэн), что он умер молодым и что критики сунского времени говорили о его “демонической одаренности”» [Шефер 1981, с. 54, 55].

Здесь речь идет о неформальном титуле Ли Хэ – Ши-гуэй 詩鬼 (Демон Поэзии). Ду Го-цин пишет об этом так: «Многие ученые Сун оказывали Ли Хэ великую честь, противопоставляя его призрачный, или демонический, гений (*гуэй*) даосскому бессмертному гению (*сянь*) Ли Бо (701–762)» [Ту 1979, р. 9]. Позднее список танских гениев поэзии расширился до трех либо четырех персон: кроме Ли Бо, именовавшегося Ши-сянь 詩仙 (Небожитель Поэзии) и Ли Хэ по прозвищу Ши-гуэй 詩鬼 (Демон Поэзии), в него вошел Ду Фу 杜甫 как Ши-шэн 詩聖 (Святомудрый [Муж] Поэзии), а четвертым (пусть не всегда) упоминают жившего в ту эпоху чаньского поэта Ван Вэя 王維 как Ши-фо 詩佛 (Будду Поэзии). Позднее аналогичные почетные прозвища были придуманы и для других знаменитых танских поэтов, но первыми их получили Ли Бо и Ли Хэ, а прижились они на уровне узнавания без пояснений только для первой четверки²⁶.

* * *

Дошедшее до наших дней поэтическое наследие Ли Хэ насчитывает 241 стихотворение, которые можно условно разбить на две больших группы. В первую вошли стихотворения, близкие к творчеству поэтов «гражданской направленности», в них описаны исторические события и социальные реалии в отстраненном и иногда даже критическом духе. Но не они создали славу Ли Хэ, а стихи второй группы, в которых отражается «мир личного разочарования и печали, который часто приводит к призрачным мирам и сверхъестественным фантазиям» [Ту 1979, р. 11]. Остро чувствуя бренность земного бытия, Ли Хэ устремлялся мечтами в мир бессмертных небожителей и волшебных существ. Мысли свои он выражал чрезвычайно ярко и образно, широко используя изысканные метафоры.

²⁶ Королём Поэзии (Ши-ван 詩王) и Чародеем Поэзии (Ши-мо 詩魔) величался Бо Цзюй-и. — *Отв. ред.*

«Танские поэты находили янтарь подходящим цветовым образом для обозначения прозрачного красно-желтого цвета и употребляли его, в частности, как эпитет для вина. <...> Ли Хэ, утонченный поэт IX в., сделал еще один шаг, совершив метонимическую подмену и используя слово “янтарь” в значении “вино”. Такое употребление этого слова составляло неразрывную часть хорошо известного стремления Ли Хэ к красочным образам ради усиления эмоциональной окраски стиха. Ему не было равных по частоте употребления эпитетов “золотой”, “серебряный”, “темно-зеленый” и по тому, как он использовал прилагательное “белый”, передавая ослепительность освещения и резкие контрасты в описаниях пейзажа (как в черно-белой фотографии, скажем): у него “небо бело” и даже “осенний ветер – белый”». [Шефер 1981, с. 328, 329].

Впитавший творческий метод «Чуских строф» (*Чу цы* 楚辭) и доведший его до совершенства утонченным языком стихосложения и изысканностью мифологических образов, Ли Хэ создает в своих произведениях образ мира таким, каким он воспринимался бы бессмертным даосским святым. Приведем два примера – стихотворения «Пусть принесут вино» (*Цзян цзинь цю* 將進酒) и «Струны духов» (*Шэнь сянь* 神弦), оба в переводе Л. Н. Меньшикова.

Стихотворение «Пусть принесут вино», написанное на манер *юэфу* эпохи Хань и с тем же названием, но очень вольным содержанием, весьма характерно для творчества Ли Хэ, жившего как бы в двух мирах. С одной стороны, в нем описывается пир небожителей, а с другой – исполняется песня, призывающая не отказываться от радостей земной жизни, ибо та быстротечна.

將進酒

琉璃鐘，琥珀濃，小槽酒滴真珠紅。
烹龍炮鳳玉脂泣，羅幃繡幕圍香風。
吹龍笛，擊鼉鼓；皓齒歌，細腰舞。
況是青春日將暮，桃花亂落如紅雨。
勸君終日酩酊醉，酒不到劉伶墳上土！

Пусть принесут вино

Кубок хрустальный берем,
Полный густым янтарем.
Будто бы в жемчуге алом, весь в каплях
ковш деревянный с вином.
Жареный феникс, вареный дракон
плачут нефритовым жиром;

Шелковый полог, расшитый шатер,
 ветер душистый кругом.
 Слышится флейта-дракон,
 Бьет крокодил-барабан,
 Рот белозубый поет,
 Тонкий колышется стан:
 «Так же, как солнце, к закату идет
 эта весна молодая;
 Персика цвет ярко-красным дождем
 льется в саду, опадая.
 Мой вам совет: до последнего дня
 пейте до дна, допьяна
 И для земли на могиле Лю Лина²⁷
 не оставляйте вина»²⁸

(Цит по: [Шефер 1981, с. 328, 329]).

Еще одним примером, наглядно показывающим свойственное Ли Хэ даосское мировосприятие, является стихотворение «Струны духов», где рассказывается о призывании духа шаманкой, ударяющей по струнам своей лютни из драгоценной древесины акации:

神弦

女巫澆酒雲滿空，玉爐炭火香咚咚。
 海神山鬼來座中，紙錢窸窣鳴旋風。
 相思木貼金舞鸞，攢蛾一嚏重一彈。
 呼星召鬼歆杯盤，山魅食時人森寒。
 終南日色低平灣，神兮長在有無間。
 神嗔神喜師更顏，送神萬騎還青山。

Струны духов

Шаманка вино возливает – тучи
 столпились над головой.
 В курильнице яшмовой уголь горит,
 куренья, тун-туна²⁹ бой.
 И духи морские, и демоны гор

²⁷ Лю Лин – поэт III века н. э., прославился своим пристрастием к вину. Завещал друзьям приносить на его могилу вино и выливать его на нее, чтобы он мог продолжать принимать участие в дружеских пирушках (примеч. Л. Н. Меньшикова. — С. Б.).

²⁸ Перевод стихотворения выполнен Л. Н. Меньшиковым. В дальнейшем он слегка изменил перевод, поменяв местами слова в строке «плачут нефритовым жиром» на «ожиром нефритовым плачут» [Чистый поток..., с. 237].

²⁹ Здесь идет речь о звуках барабана или, возможно, шаманского бубна.

собираются к ней чередой;
 Бумажных денег шорох и шум
 и вихрей кружащихся вой.
 Узор золотой на “тоске в разлуке”³⁰ –
луаней танцует пара.
 Насуплены брови – каждому вздоху
 по струнам вторят удары.
 Взывая к звездам, демонов манит
 от блюд и от кубков паром;
 Увидишь, как горные духи едят,
 прохватит морозом и жаром.
 К Чжуншань опускается солнечный лик,
 зубцы хребта осияв.
 О, как же долго сей дух пребывал
 на грани небытия!
 Но будь он радостен, будь он гневен, –
 нахмурится ворожея,
 И тысячи всадников мчатся за духом
 за гор темно-синих края³¹
 (Цит по: [Шефер 1981, с. 217]).

* * *

Важнейшими источниками для изучения жизни и творчества Ли Хэ являются его посмертные биографии. Хронологически самые ранние сведения о Ли Хэ привел поэт Ду Му 杜牧 (803–852) в предисловии к собранию стихов Ли Хэ (831), однако японский филолог Эндо Сэйки 遠藤星希 [Эндо 2005] обратил внимание на то, что в этом предисловии практически не содержится биографической информации. Ду Му говорит не столько о самом Ли Хэ, сколько о «причудливости» его стихов, практически не приводя сведений о жизни поэта. Первым же автором, не только восхищавшимся творчеством Ли Хэ, но и составившим его краткое

³⁰ Здесь игра слов: сочетание *сянсыму* 相思木 можно воспринимать как два слова, тогда действительно его можно перевести как «дерево “тоска в разлуке”» (вариант: «дерево взаимной тоски / тоски друг по другу»), либо как одно слово – и тогда оно обозначает акацию, из красно-коричневой древесины которой изготавливали музыкальные инструменты.

³¹ Перевод стихотворения выполнен Л. Н. Меньшиковым. В оригинальном издании Э. Шефер приводит подстрочный перевод, на наш взгляд не совсем удачный из-за использования западноевропейской метафизической терминологии, такой как «горные гоблины» и «симвурги» [Чистый поток..., с. 237].

жизнеописание, стал младший современник Ли Хэ, Ли Шан-инь, автор наполненных метафорами и аллюзиями стихов. Творческий метод Ли Шан-иня очень близок манере Ли Хэ и отражает очень близкое мировосприятие этих двух авторов, поэтому можно обоснованно предположить значительное влияние творчества Ли Хэ на становление Ли Шан-иня как поэта. Именно Ли Шан-инь составил первую биографию Ли Хэ – *Ли Хэ сяочжуань* 李賀小傳 («Краткая биография Ли Хэ»). Отметим, что термин *сяочжуань* имеет также смысловой оттенок «неофициальная биографии», составленной с использованием не всегда надежных источников. В год смерти Ли Хэ (816) Ли Шан-иню исполнилось три года, и он застал немало тех, кто лично знал Ли Хэ и мог рассказать о нем. В частности, «Краткую биографию Ли Хэ» он составил основываясь на рассказах старшей сестры поэта.

Более поздние биографии поэта включены в состав династийных историй: в цз. 137 «Истории Тан» и в цз. 203 «Новой истории Тан»³². Перевод этих биографий приведен ниже, в Приложении II.

Судьба творчества Ли Хэ в мире земных страстей довольно долго была сложной. Так, стихи Ли Хэ, в отличие от произведений практически всех его знаменитых современников, не попали в неоднократно переиздававшийся сборник «Триста танских стихов» (*Тан ши саньбай шов* 唐詩三百首), составленный ок. 1763 г. цинским ученым Сунь Чжу 孫誅 (1711–1778). По всей видимо-

³² *Тан шу*, или *Цзю Тан шу*, была составлена в 941–945 гг. группой историков под руководством Лю Сюя 劉昫 (887–946) по приказу Гао-цзю 高祖 (личное имя Ши Цзинтан 石敬瑭, прав. 936–942), императора Поздней Цзинь (*Хоу Цзинь* 後晉, 936–947), однако впервые опубликована была «по-видимому, лишь во времена Сун (960–1279. – С. Б.), а именно между 1000 и 1002 гг.» [Флуг 1959, с. 227]. «[Старая] история Тан» представляет собой собрание существовавших на тот момент сочинений, включая хроники и биографии. Среди биографий есть и биография Ли Хэ. Вскоре после издания «Истории Тан» при сунском императоре Жэнь-цзуну 仁宗 (1010–1063) было решено создать новую «Историю Тан», поскольку существовавшему тексту «ставили в упрек недостаток систематичности в распределении материала, неполноту фактическую в изображении событий, произвольное опущение фактов и недостаточную элегантность стиля» [Там же, с. 227–228]. Работа над *Синь Тан шу* заняла 15 лет (1045–1060) и велась комиссией под руководством историка и литератора Сун Ци 宋祁 (998–1061). В 1060 г. «Новая история Тан» была одобрена императором и получила статус официальной истории. *Синь Тан шу* в чем-то существенно дополняет «Старую историю Тан». См. подробно [Флуг 1959, с. 228–230].

сти, стихи Ли Хэ слишком далеко отступали от одобренного конфуцианскими нормами мировоззрения, с восторгом рассказывая о том, о чем «не говорил Конфуций», и потому вряд ли их знание могло помочь на экзаменах (а составленный Сунь Чжу сборник имел в том числе и образовательное назначение).

Но, разумеется, были у Ли Хэ и поклонники его таланта, например танский поэт и писатель Чжао Му 趙牧. «Чжао Му (жил в 860–70-х гг.) при создании стихотворений брал за образец стихи Ли Хэ (790–816), еще одного поэта, который так и не смог получить ученой степени» [Мооре 2004, р. 327]. Согласно биографии Чжао Му, приведенной в шестом томе собрания *Тан цайцзы чжуань* 唐才子傳 («Биографии талантов эпохи Тан») ³³, другим его именем было Лю Гуан-юань 劉光遠.

Находились поклонники творчества Ли Хэ и позднее. Богатство метафор и изысканность метонимий наряду с даосским миропониманием не оставили равнодушным автора новелл о чудесном Пу Сун-лина 蒲松齡 (1640–1715) – своим предшественником и высшим образцом в описании волшебного и чудесного он считал Цюй Юаня и Ли Хэ, о чем вполне определенно говорится в начале его автобиографического «Собственного описания Ляо-чжая» (*Ляо-чжай цзы чжи* 聊齋自志).

Как видим, интерес к творчеству Ли Хэ существовал, однако вышел за пределы узкого круга специалистов и любителей древней поэзии и стал общественно значимым феноменом духовной культуры, в первую очередь китайской и японской, лишь в XX веке. Как пишет М. Е. Кравцова, «к изучению поэзии Ли Хэ китайские литературоведы приступили еще в 1930-х гг., но на первых порах в ней усматривали типичное проявление литературного творчества знати середины Тан, где начали оживать “декадентские” тенденции» [Кравцова 2014, с. 989].

Внимание более широкого круга читателей из стран Восточной Азии к Ли Хэ и его творчеству привлекла, насколько нам известно, опубликованная в 1959 г. книга японского синоведа Арай Кэна 荒井健 «Ри Га» (японское произношение имени поэта Ли Хэ), вышедшая как 14-й том серии «Собрание произведений поэтов Китая» [Арай 1959]. Книга имела успех – об этом говорит уже тот

³³ Собрание биографий было подготовлено поэтом и чиновником Синь Вэнь-фаном 辛文房 в начале XIV в., в эпоху Юань (1279–1368). В собрании представлены биографии 287 поэтов. Сохранилась более полная версия, изданная в Японии, она содержит 278 биографий в основном разделе и еще 120 в дополнительном.

факт, что до 1962 года она выдержала два переиздания. После этого большее внимание творчеству Ли Хэ стали уделять как в Китае, так и в западных синологических центрах. «Начиная приблизительно с 1980-х гг. рост научного интереса к творчеству Ли Хэ неуклонно возрастает, верным показателем чего служит увеличение числа монографических о нем исследований и изданий его поэзии, включая антологии. К началу нашего века их насчитывалось уже более двух десятков...» [Кравцова 2014, с. 989]. К двадцатым годам XXI века по связанным с Ли Хэ темам было защищено около полутора десятков диссертаций, однако первой и наиболее фундаментальной из них безусловно является труд М. Т. Саут «Ли Хэ. Ученый-чиновник периода Юань-хэ (806–821)» [South 1965].

Отметим, что творчеством Ли Хэ был очарован Э. Х. Шефер (Edward Hetsel Schafer, 1913–1991), видный исследователь эпохи Тан. Если в своей монографии «Золотые персики Самарканда» ([Schafer 1963]; рус. пер.: [Шефер 1981]) он приводит стихотворения Ли Хэ как образец нового поэтического языка, развитие которого отражало новизну и возросшее многообразие материального мира танской эпохи, то позднее, в монографии «Волшебная женщина: женщины-драконы и девы дождя в танской литературе» [Schafer 1973], его исследование в немалой мере построено как раз на творчестве Ли Хэ.

Самой фундаментальной монографией о Ли Хэ является, скорее всего, книга Ду Го-цина «Ли Хэ» [Tu 1979], содержащая глубокий анализ творчества этого танского поэта.

Как справедливо отметила М. Е. Кравцова, «в отечественном китаеведении творчество Ли Хэ остается малоизвестным, хотя есть художественные переводы в общей сложности 10 его стихотворений» [Кравцова 2014, с. 989].

Первым из российских востоковедов, упомянувшим в своих работах Ли Хэ, насколько нам известно, был академик В. М. Алексеев. Таких упоминаний Ли Хэ было два. Первое встречается в примечании к переводу упоминавшегося выше «Собственного описания Ляо-чжая»³⁴. Заинтересовавшись Пу Сун-лином (Ляо-чжаем) и переводя его новеллы, В. М. Алексеев не мог обойти вниманием упомянутую творческую автобиографию Ляо-чжая – и оказалось, что сам Ляо-чжай считал Ли Хэ наряду с Цюй Юанем своим предше-

³⁴ В переводе В. М. Алексеева – «Моя история» [Алексеев 2002, с. 418–421]. (В переводе Б. Л. Рифтина – «Собственная история Ляо Чжая». – *Отв. ред.*)

ственным в деле описания необычайного. Перевод «Собственного описания Ляо Чжая» был приведен в статье «Трагедия конфуцианской личности и мандаринской идеологии в новеллах Ляо Чжая», опубликованной в 1934 г. в «Известиях АН СССР», и в ней содержалась краткая справка о Ли Хэ:

«Ли Хэ – блистательный поэт-экспромтист, отличавшийся тонкою талией, сросшимися бровями и длинными ногтями. Он писал стихи с такою стремительностью, что даже знатоки этого дела [поэзии?] и поэты отказывались верить, пока не убеждались воочию в его исключительном даровании. Сюжеты [для] своих поэм он брал из своей совершенно необузданной фантазии» [Алексеев 2002, с. 420].

Второе упоминание о Ли Хэ в трудах В. М. Алексеева можно найти в докладе «Француз Буало и его китайские современники о поэтическом мастерстве», прочитанном в 1944 г.³⁵ В докладе приведен перевод обзора истории китайской поэзии – письма историка времен Юань и Мин Сун Ляня 宋濂 (1310–1381)³⁶. В своем «Ответе на письмо студента-сюэца Чжана по вопросу о поэзии» (*Да Чжан сюэцай лунь ши шу* 答章秀才論詩書; возможный вариант перевода: «Письмо в ответ на суждения о стихах сюэца Чжана») Сун Лянь упоминает Ли Хэ (Ли Чан-ци) так: «Теперь, говоря о поэтах, таких, как поэт Ли Чан-ци и поэт Вэнь Фэй-цин, как поэт Ли Шан-инь, Дуань Чэн-ши, мы видим, что они всей силою души сосредоточены на том, чтобы блеснуть изящною манерой <...> но деградация поэзии такой уж слишком велика!» (пер. В. М. Алексеева [Алексеев 2002, с. 400]), а далее: «Пройдем же мимо них и устремимся вдаль» (пер. В. М. Алексеева [Там же, с. 401]). В данном случае В. М. Алексеев невольно последовал совету Сун Ляня, «пройдя мимо» Ли Хэ, о чем нам остается только сожалеть.

Первый перевод стихотворений Ли Хэ на русский язык был опубликован во втором томе четырехтомной «Антологии китайской поэзии» 1957 г. [Антология китайской поэзии 1957]. Издание было выполнено в рамках пришедшихся на 50-е – первую половину 60-х годов масштабных усилий по ознакомлению советского народа с многовековыми достижениями культуры народа китайского. Кроме того, краткая справка о Ли Хэ была включена в четвертый том «Краткой литературной энциклопедии» [Манухин 1967, с. 399–

³⁵ Текст доклада был восстановлен по сохранившимся черновикам, опубликован в [Алексеев 2002, с. 385–412].

³⁶ О Сун Ляне см. подробно [Алексеев 2002, с. 388].

400]. Подготовивший эту справку В. С. Манухин (1926–1974) подошел к ее составлению достаточно формально – в ее коротком тексте нашли отражение такие требуемые для публикации черты поэта и его творчества, как его некая оппозиционность обществу и неприятие последним, творчество как сублимация успеха, уход от реальности, мечты о счастливой жизни и отражение тягот существования простого народа, пусть даже недостаточное, о стилистической и тематической оригинальности поэта было сказано крайне скупом³⁷. Очевидно, такое описание не дает представления о событиях реальной жизни и творчестве одного из величайших поэтов-мистиков средневекового Китая.

В следующий раз к творчеству Ли Хэ обратились спустя 10 лет, в 1977 г., при выпуске тома «Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии», 16-го тома 200-томной «Библиотеки всемирной литературы» [Классическая поэзия... 1977, с. 323–325]. В этом томе были приведены четыре стихотворения, переведенные А. Сергеевым. В примечаниях к ним составители примечаний И. С. Смирнов и Б. Л. Рифтин дали справку об авторе, ставшую, несмотря на ее краткость, первой сбалансированной по содержанию информацией о жизни и творчестве поэта на русском языке: «Ли Хэ (790–816) – один из потомков танского императорского рода Ли. Жизнь поэта сложилась неудачно – он не смог сдать государственные экзамены на степень *цзинь-ши*. Поэзия его печальна и мечтательна» [Классическая поэзия... 1977, с. 855].

Наиболее полное описание биографии Ли Хэ и его творчества на русском языке приведено М. Е. Кравцовой на посвященных Ли Хэ страницах главы 19 («Поэзия эпох Тан и Сун») второй части ее совместной с И. А. Алимовым монографии «История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза» [Кравцова 2014, с. 988–993]³⁸.

Заключение

Резюмируя, следует отметить, что стихи Ли Хэ по форме нередко не вписывались в рамки, заданные «Каноном стихов» (*Ши-цзин* 詩經), а по содержанию – выходили за грань, одобряемую конфуци-

³⁷ Из статьи «Ли Хэ» в КЛЭ: «Узкая социальная практика давала Л. Х. мало материала для отражения жизни народа... Поэзия Л. Х. оригинальна, насыщена стилистич. фигурами» [Манухин 1967, с. 400].

³⁸ См. также: *Кравцова М. Е.* Словарь китайских поэтов с V в. до н. э. по X в. н. э. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 153–156. – *Отв. ред.*

анством, ибо касались тем, о которых Конфуций предпочитал не говорить. Знание стихов Ли Хэ не могло помочь на экзаменах, а вот их упоминание вполне можно было истолковать превратно. Ли Хэ был слишком смел и необычен в своем творчестве, и это распространялось как на художественный метод, так и на тематику его стихов. Однако и по сей день стихи Ли Хэ кроме высокой эстетической ценности могут служить источником знаний об отношении к жизни и мировоззрении склонных к даосизму поэтов эпохи Тан. Следует также отметить особую ценность произведений Ли Хэ как сплава религиозных и народных мифологических представлений. При внимательном прочтении они могут предоставить дополнительный материал как для реконструкции древних мифов, так и для уточнения «удельного веса» тех или иных мифологических представлений в рамках включающих их систем.

В настоящей статье приведен лишь очень краткий очерк основных моментов жизни и творчества Ли Хэ, столь характерных для эпохи Тан. Изучение стихов и жизненных обстоятельств «демона поэзии» эпохи Тан будет, несомненно, продолжено.

Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность редакторам сборника С. В. Дмитриеву, Н. А. Орловой, Н. В. Руденко и Е. С. Скрыпник за их немалый труд по исправлению недостатков этой статьи.

Приложения

Приложение I. Хронология событий жизни Ли Хэ

790	Родился в Чангу уезда Фучан в совр. пров. Хэнань.
796	Самые ранние литературные сочинения (согласно легенде).
804	Получил известность благодаря своим песням и стихам в стиле <i>юэфу</i> .
806	Волосы на висках поседали.
807	Поездка в Лоян, в ходе которой встретился с Хань Юем и произвел на него впечатление своими песнями и стихами.
	Умирает отец (?).
809	В Лояне Ли Хэ посетили Хань Юй и Хуанфу Ши.
810	Осенью сдал местные экзамены в Хэнань... Зимой направился в Чаньань для сдачи экзамена на степень <i>цзинь-ши</i> . Сдать экзамен ему не позволили.
811	Поздней осенью возвратился в Чангу.
812	Весной получил пост (младшего. – С. Б.) церемониймейстера в Чаньани.

813 Весной ушел с должности и возвратился, заболев, в Чангу для восстановления здоровья. Осенью вновь уехал из Чангу в Чанъань.

814 Осенью отправился в Лучжоу, чтобы попросить помощи у своего друга Чжан Чэ.

815 Зимой в доме Чжан Чэ состояние здоровья ухудшилось.

816 Зимой возвратился в Чангу и умер.

(По: [Ту 1979, р. 18])

Приложение II. Биография Ли Хэ в двух версиях «Истории Тан»³⁹

<i>Цзю Тан шу</i>, цз. 137 [Лю 1975, с. 3772]	<i>Синь Тан шу</i>, цз. 203 [Оуян и Сун 1975, с. 5787–5788]
李賀字長吉，宗室鄭王之後。 Ли Хэ [второе имя]-цзы – Чан-ци, из императорского рода, потомок Чжэн-вана.	李賀字長吉，系出鄭王後。 Ли Хэ [второе имя]-цзы – Чан-ци, по [родственным] узам происходит из потомков Чжэн-вана.
	七歲能辭章，韓愈、皇甫湜始聞未信，過其家，使賀賦詩，援筆輒就如素構，自目曰『高軒過』，二人大驚，自是有名。為人纖瘦，通眉，長指爪，能疾書。每旦日出，騎弱馬，從小奚奴，背古錦囊，遇所得，書投囊中。未始先立題然後為詩，如它人牽合程課者。及暮歸，足成之。非大醉、弔喪日率如此。過亦不甚省。母使婢探囊中，見所書多，即怒曰：「是兒要嘔出心乃已耳。」 В семь лет мог писать стихами и прозой. Хань Юй и Хуанфу Ши услышав о том, сначала, [когда] услышали, не поверили, [отправились] проехать мимо его дома и [там] велели Хэ сложить стихотворение. [Тот] взялся за кисть и сразу осуществил [веленное], как будто бы составил заранее, и сам озаглавил [стихотворение] <i>Гао сюань го</i> 高軒過 (букв.: «Проехал экипаж высоко-

³⁹ Сайт *stext*, откуда была взята иероглифическая часть приложения, дает иную разбивку: так, для *Цзю Тан шу* это цз. 141, а для *Синь Тан шу* – цз. 216.

	го [гостя]». — С. Б.). Двое [гостей] были крайне изумлены, с тех пор [Ли Хэ] прославился. Сложения он был худого и тощего, [имел] сросшиеся брови, длинные ногти на пальцах, мог писать [очень] быстро. Каждый день с восходом солнца он выезжал верхом на небольшой лошадке ⁴⁰ в сопровождении слуги-мальчика, несшего на спине мешочек из древней парчи, и [если] что-то получалось, записывал [строфы] и записанное бросал в этот мешочек. Никогда не выбирал сперва заглавие, [чтобы только] после этого творить стихотворение, наподобие типовых заданий по притягиванию и сведению [заглавия и стихотворения, которые выполняли] другие люди, так чтобы содержание стихотворения соответствовало выбранному названию. На закате дня возвращался домой и сводил [наброски] в готовое стихотворение. Если не был сильно пьян или не находился в трауре, то неизменно следовал такому распорядку дня. Пьяный же не слишком себя контролировал ⁴¹. Служанка его матери ⁴² заглянула в парчовый мешочек и, увидев там много [набросков] написанного, стала браниться, говоря: «Этот маль-

⁴⁰ Знак 弱, описывающий лошадку, имеет основным значением «хилый; слабый», однако нам представляется более верным использовать его иное значение «нежный, мягкий, тихий; молодой». Молодому человеку, которого очень любила мать, давали для поездок спокойную лошадку и мальчика-слугу в сопровождение.

⁴¹ Представляется возможным иной перевод данного фрагмента: «Если то был не день сильного опьянения или скорби по умершему, как правило, всегда было так. [Если] пропускал [сочинительство] — тоже не особенно уделял [этому] внимание». — *Ред.*

⁴² Возможна трактовка начала предложения как «Мать велела служанке».

⁴³ Предлагаемый нами перевод данного фрагмента отличается от более ориентированного на поэзию варианта, который мы нашли в диссертации М. Т. Саут: «His mother used to have her maid rummage through the bag and when she saw that he had written so much she would exclaim angrily: “This boy of mine won’t be content until he has vomited out his heart”» [South, p. 429]. М. Саут рассматривает его отдельно от трех предшествующих фрагментов и полагает определяющей ссылкой на наличие в парчовом мешочке многочисленных набросков для написания стихов. Соответственно и вся ситуация рассматривается как болезненная страсть Ли Хэ к стихотворчеству. Однако если считать этот фрагмент продолжением предшествующего повествования, то его смысл оказывается иным. Повествование объединено упоминанием предмета – *цзиньнан* 錦囊, т. е. «парчовый мешочек», куда Ли Хэ бросал во время прогулок наброски строф. Вернувшись после прогулки, он сводил наброски в двух предшествующих фрагментах: о том, что он бывал иногда сильно пьян, а будучи пьян, нарушал обычный распорядок дня. Таким образом, сказанные в гневе слова служанки «выблюет свое сердце» имеют скорее буквальное, нежели переносное значение (в переносном они означали бы скорее всего «пока не исторгнет [из тела] свою душу»). Впрочем, пристрастие к спиртному для сторонника даосского мировоззрения вряд ли можно рассматривать как что-то сильно порочащее, скорее, это считалось вполне легитимным средством расширения сознания.

⁴⁴ Стоит отметить, что сравнение творческой деятельности с исторжением содержимого желудка, непривычное порою для западного читателя, в китайской традиции не является чем-то необычным: ср. выражение «извергать нефриты и изрыгать жемчужины» (*пэнь-юй то-чжу* 噴玉唾珠), означающее создание литературных шедевров, из эссе минского философа Ли Чжи «Толкование разнородных [спектаклей]» («Цза-шо» 雜說), перевод которого включён в настоящий сборник. В схожем ключе трактует выражение «выблевать сердце» (*оу синь* 嘔心) в идиоме «выблевать сердце и иссочиться кровью» (*оу-синь ли-сы* 嘔心瀝血) и современный тайваньский «Словарь чэньюев» («Чэн-юй дянь» 成語典, dict.idioms.moe.edu.tw): оно объясняется как упорный труд в оттачивании творческих навыков, причём в качестве примера приводится как рассматриваемый здесь отрывок из биографии Ли Хэ и подчёркивается, что реакция его матери была вызвана мешочком, полным стихотворных набросков, тем упорством, с которым её сын продолжал писать стихи. Наконец, в предшествующей фразе среди причин пропуска сочинительства называется не только опьянение, но и траур, а интерпретация *го* 過 («переходить, пропускать») как «пьяный», а *шэн* 省 («уделять внима-

父名晉肅，以是不應進士，韓愈為之作《諱辨》，賀竟不就試。 Имя [его] отца было [Ли] Цзинь-су, поэтому [Ли Хэ] не участвовал [в столичном экзамене на степень] <i>цзинь-ши</i>. Хань Юй из-за этого написал [сочинение] «Оспариваю табу», [но Ли] Хэ в экзаменационных испытаниях не участвовал.	以父名晉肅，不肯舉進士，愈為作《諱辨》，然卒亦不就舉。 Поскольку имя [его] отца было [Ли] Цзинь-су, [Ли Хэ] не захотел сдавать экзамен на степень <i>цзинь-ши</i>, [Хань] Юй по этому поводу написал [сочинение] «Оспариваю табу», однако [Ли Хэ] всё-таки в экзамене не участвовал.
手筆敏捷，尤長於歌篇。其文思體勢，如崇巖峭壁，萬仞崛起，當時文士從而效之，無能髣髴者。 Кисть [его писала] бойко и проворно, особенно силен был в создании песен [и] стихов. Ход его мыслей [в стихах] и их взаимосвязь⁴⁵ были подобны высоким утесам и отвесным скалам, возносящимся на десятки тысяч <i>жэней</i>⁴⁶. Культурные мужи того времени следовали и подражали ему, [но] не было [среди них] способных [ему] уподобиться.	辭尚奇詭，所得皆驚邁，絕去翰墨畦逕，當時無能效者。 [В его] стихах-<i>цы</i>⁴⁷ превозносятся чудесное и причудливое, те, что удалось [найти], все изумительны и превосходны, [он] недостижимо ушёл [вперёд] по стезе кисти и туши, в те времена не было способных подражать ему.
其樂府詞數十篇，至於雲韶樂工，無不諷誦。	樂府數十篇，雲韶諸工皆合之絃管。

ние») как «контролировать» вызывает некоторые сомнения. Таким образом, трактовка М. Саут представляется вполне обоснованной. — *Ред.*

⁴⁵ Возможный перевод *ти-ши* 體勢 — «структурная композиция». — *Ред.*

⁴⁶ *Жэнь* 仞 — мера длины, составлявшая в разное время 7 или 8 *чи*. Если исходить из соответствия 1 *чи* = 1/3 метра, то *жэнь* составляет 2,1–2,4 м. 10 000 *жэней* = 21–24 км, при этом высота Куньлуня, где находилась по поверьям «Нижняя столица» Небесного императора (см. подробно [Рифтин, Кобзев]), считалась равной 1 тыс. *ли* 14 *бу* 1 *чи* и 6 *цуням*, что несколько превышает 7 км. Таким образом, возвышенность поэтических мыслей Ли Хэ образно подается как втрое превышающая высоту самой высокой из гор, соприкасающейся с Небом, а для не желающих заниматься подсчетами — как некая огромная величина. О китайских единицах измерения см. подробно раздел «Метрология» в пятом томе энциклопедии «Духовная культура Китая» [Кроль и Романовский 2009].

⁴⁷ Стихотворный жанр *цы* 辭 зародился во времена Тан и отличался оригинальной мелодикой — он позволял сочетать строки разной длины, допуская самые различны их комбинации. Расцвет жанра и упорядочение его стиля приходится на эпоху Сун (960–1279; см. подробно [Серебряков 2008]).

[Сочиненных] им <i>юэфу</i> и <i>цы</i> насчитывалось несколько десятков, что же касается музыкантов [дворца] Юнь-шао ⁴⁸ , то не было такого, кто не знал бы их наизусть.	[Его] <i>юэфу</i> насчитывалось несколько десятков, все музыканты [из дворца] Юнь-шао подбирали [музыку к его стихам] на цитрах и флейтах ⁴⁹ .
補太常寺協律郎，卒，時年二十四。 Занимал [должность] <i>селюйлана</i> в <i>Тайчансы</i> ; когда умер, [ему было] 24 года.	為協律郎，卒，年二十七。 Был <i>селюйланом</i> , умер в 27 лет.
	與游者權璩、楊敬之、王恭元，每譔著，時為所取去。賀亦早世，故其詩歌世傳者鮮焉。 Объезжая [своих друзей] Цюань Цюя, Ян Цзин-чжи, Ван Гун-юаня, [он] каждый раз писал [стихи], при отъезде оставляя написанное ⁵⁰ . [Ли] Хэ рано [покинул этот] мир, поэтому те, кто передавал из поколения в поколение его стихи и песни, редки ⁵¹ .

⁴⁸ Дворец Юнь-шао-гун 雲韶宮 (букв: «дворец Великолепия облаков») – один из входивших в состав императорского дворцового комплекса в эпоху Тан. В нем проходило обучение музыке и танцам, давали представления и концерты.

⁴⁹ Термин *сянь-гуань* 弦管, букв. «цитры и флейты» (ещё буквально — «струны и трубки». — *Ред.*), означает два класса музыкальных инструментов (струнные и духовые), которые использовались не только при исполнении ритуальной музыки, но и для развлечений.

⁵⁰ Возможный перевод: «Каждое произведение, написанное вместе со странниками Цюань Цюем, Ян Цзин-чжи и Ван Гун-юанем, [всё] время [ими] забиралось и уносилось». — *Ред.*

⁵¹ Здесь наше понимание текста *Синь Тан шу* расходится с предложенным в переводе М. Т. Саут. Она пишет: «His friends Quan Qu, Yang Jing-zhi and Wang Gong-yuan frequently made off with what he wrote. This fact, coupled with his premature death, has resulted in very few of his poems and songs coming down to us» [South, p. 430]. То есть причина утраты значительной части поэтического наследия Ли Хэ – небрежное отношение его друзей к оставляемым им рукописям. Поверить в это сложно по нескольким соображениям. Во-первых, все они также были поэтами и, поддерживая дружеские отношения с Ли Хэ, который ничего не мог дать им в материальном плане, тем самым признавали его поэтический дар. Во-вторых, произведения Ли Хэ обрели большую популярность еще во время его пребывания на должности *селюйлана* в приказе Великого посто-

Источники и литература

На русском языке

Алексеев 2002 – *Алексеев В. М.* Труды по китайской литературе. В 2 кн. // Кн. 1 / В. М. Алексеев; сост. М. В. Баньковская; отв. ред. Б. Л. Рифтин. М.: Восточная литература, 2002.

Антология китайской поэзии 1957 — Антология китайской поэзии. Пер. с кит. / Под общ. ред. Го Мо-жо и Федоренко Н. Т. В 4 т. М: Гослитиздат, 1957–1958.

Классическая поэзия... 1977 – Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии / серия «Библиотека всемирной литературы». Т. 16. М.: Художественная литература, 1977.

Кравцова 2014 – *Кравцова М. Е.* Поэзия эпох Тан и Сун // *Алимов И. А., Кравцова М. Е.* История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза: в 2 ч. Часть вторая. СПб: Петербургское Востоковедение, 2014. С. 913–1006.

Кравцова 2018 – *Кравцова М. Е.* О китайской поэзии первой половины «Середины Тан» // *Asiatica: труды по философии и культурам Востока.* 2018. Т. 12 (2). С. 150–174.

Кроль и Романовский 2009 – *Кроль Ю. Л., Романовский Б. В.* Метрология // *Духовная культура Китая: энциклопедия.* В 5 т. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М.: Восточная литература, 2009. С. 321–339.

Манухин 1967 – *Манухин В. С.* Ли Хэ // *Краткая литературная энциклопедия* / Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская Энциклопедия, 1962–1978. Тт. 1–9 / Т. 4: Лакшин–Мураново. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 399–400.

Рифтин, Кобзев – *Рифтин Б. Л., Кобзев А. И.* Куньлунь // *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2. Мифология. Религия.* М.: Восточная литература, 2007. С. 488–490.

Серебряков 2008a – *Серебряков Е. А.* «Золотой век» китайской поэзии: эпоха Тан (VII – начало X в.) // *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Т. 3. Литература. Язык и письменность* / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2008. С. 51–58.

Серебряков 2008b – *Серебряков Е. А.* Жанр цы: эпоха Сун: X–XII вв. // *Духовная культура Китая: энциклопедия.* В 5 т. Т. 3. Ли-

яньства, о чем упоминается в обеих «Историях Тан». В-третьих, выражение *шичуань* 世傳 «передавать из поколения в поколение» говорит скорее о сохранении и бережной передаче наследия Ли Хэ в домах трех его друзей, нежели о небрежном к нему отношении. Эти соображения и легли в основу нашего перевода.

тература. Язык и письменность / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2008. С. 58–65.

Су Ши 2006 – Из сборника Су Ши «Дун-по чжи линь» (материалы к истории сунских *бици* 6) / Пер. с кит., комм. И. А. Алимова // Письменные памятники Востока. № 1 (4). 2006. С. 54–81.

Флуг 1959 – *Флуг К. К.* История китайской печатной книги сунской эпохи X–XIII. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1959.

Хань и Лю 1979 – *Хань Юй, Лю Цзун-юань.* Избранное / Пер. с кит., послесл., комм. И. И. Соколовой. М.: Художественная литература, 1979.

Чистый поток... 2001 – Чистый поток: Поэзия эпохи Тан (VII–X вв.) / В переводах Л. Н. Меньшикова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.

Шефер 1981 – *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда: Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

На восточных языках

Арай 1959 – *Арай Кэн* 荒井健. Тю:гокү сидзин сэнсю: 中国詩人選集 (Собрание [произведений] поэтов Китая). Т. 14: Ри Га 李賀 (Ли Хэ). Токио: Иванами сэтэн 岩波書店, 1959.

Дяньцзы бань Ли Хэ ши... — Дяньцзы бань Ли Хэ ши цюань цзи 電子版李賀詩全集 (Полное собрание стихов Ли Хэ в электронной версии) // Ли Хэ ши цюань цзи 李賀詩全集 (Полное собрание стихов Ли Хэ) // Цифровая библиотека старокитайских текстов Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=170815> (дата обращения 15.12.2020)

Ли Хэ — *Ли Хэ* 李賀 // Тайпин гуанцзи 太平廣記 (Обширные записи [годов] Тайпин) // Цифровая библиотека старокитайских текстов Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/taiping-guangji/49/lihe/zh> (дата обращения 15.12.2020)

Лю 1975 — *Лю Сюй* 劉昫. Цзю Тан шу 舊唐書 (Старая книга [об эпохе] Тан). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1975.

Оуян и Сун 1975 — *Оуян Сю* 歐陽修, *Сун Ци* 宋祁. Синь Тан шу 新唐書 (Новая книга [об эпохе] Тан). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1975.

Уэки и др. 1999 – *Уэки Хисаюки* 植木久行, *Мацура Томохиса* 松浦友久 (ред.), *Уно Наото* 宇野直人, *Мацубара Акира* 松原朗 (сост.). Канси-но дзитэн 漢詩の事典 (Энциклопедия китайской поэзии). Токио: Тайсю:кан сэтэн 大修館書店, 1999.

Эндо: 2005 – *Эндо Сэйки* 遠藤星希. Гакуфу бунгаку сидзё: ни окэру Ри Га но ити: «Фудзан Така» ни мотодуку ко:сацу 楽府文学史上における李賀の位置:「巫山高」に基づく考察 (Место Ли

Хэ в истории литературы *юэфу*: исследования, основанные на «Гора Ушань высока») // То:кё: дайгаку тю:гокуго тю:гоку бунгаку кэнкю:сицу киё: 東京大學中国語中国文學研究室紀要 (Бюллетень лаборатории по изучению китайского языка и литературы Токийского университета). 2005. № 8 (1). С. 1–24.

На западных языках

Kroll 2001 – *Kroll P. W.* Poetry of the T'ang Dynasty // The Columbia history of Chinese Literature / ed. by Mair V. H. N. Y.: Columbia University Press, 2001. P. 274–313.

Kubin 2002 – *Kubin W.* Die chinesische Dichtkunst: von den Anfängen bis zum Ende der Kaiserzeit (Geschichte der chinesischen Literatur; Bd. 1). München: K.G. Saur Verlag GmbH, 2002

Moore 2004 – *Moore O.* Rituals of Recruitment in Tang China. Reading an Annual Programme in the *Collected Statements* by Wang Dingbao (879–940). Leiden–Boston: Brill, 2004.

Schafer 1963 – *Schafer E. H.* The Golden Peaches of Samarkand: A Study of T'ang Exotics. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1963.

Schafer 1973 – *Schafer E. H.* The Divine Woman: Dragon Ladies and Rain Maidens in T'ang Literature. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1973.

South 1965 – *South M. T.* Li Ho. A Scholar-official of the Yüan-ho Period (806–821) / Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy in the Australian National University. Canberra, February 1965.

Tu 1979 – *Tu Kuo-ch'ing* 杜國清. Li Ho. Boston: Twayne Publishers, 1979.

*Sergei I. Blyumkhen**

Life and Lyrics of the Tang Poet Li He

ABSTRACT: Li He (790–816) was one of the outstanding poets of the Tang Dynasty (618–907). His life and lyrics became subject of much research in modern Chinese, Japanese and Western philology, and the translations of his verses inspired imitations in other languages. His distinctive style and topics led to comparisons between Li He and Mallarmé, Baudelaire and Keats. At the same time, his life and work have been woefully understudied by the philologists writing in Russian language. The purpose of this article is to partly fill in this gap.

KEYWORDS: Tang, Poetry, Li He, Taoism, Mysticism

* Blyumkhen Sergei Ivanovich, Junior Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), xieji@mail.ru